

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНИХ УСЛОВИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

© 2019 г. Ф.Г. Войтоловский

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия*

E-mail: seadog@imemo.ru

Поступила в редакцию 11.12.2019 г.

Поступила после доработки 12.02.2019 г.

Принята к публикации 18.02.2019 г.

Статья посвящена ведущим внешним экономическим и военно-политическим факторам обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Анализируются основные текущие и перспективные тенденции развития системы международных отношений, связанные с продолжающимся ростом финансово-экономической взаимозависимости и нарастающей межгосударственной конкуренции. Рассматриваются новые роли, которые традиционные и новые ведущие державы играют в этих процессах, а также противоречия между ними. Особое внимание уделено процессам, связанным с распадом системы контроля над вооружениями и вызванным этим ухудшением глобальной и региональной военно-политической обстановки – в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Выявлены главные обусловленные названными трансформациями направления возникновения рисков для национальной безопасности России.

Ключевые слова: миропорядок, национальная безопасность, Россия, США, НАТО, КНР, российско-американские отношения, американо-китайские отношения, стратегическая стабильность, контроль над вооружениями, внешнеполитические риски, стратегические наступательные вооружения.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894393-399>

Новые параметры международной конкуренции. Современный миропорядок – это уже не однополярный мир 1990-х – начала 2000-х годов. Формируется полицентричный миропорядок со своей системой принципов и институтов политической и экономической организации и регулирования. В основе этого процесса лежат укрепление новых региональных и глобальных центров мировой экономики и политики и развитие сложной многовекторной системы сотрудничества и конкуренции между ними, а также между ними и прежними лидерами международной системы, которые всеми средствами стремятся сохранить за собой доминирующие позиции.

Укрепление позиций новых лидеров миропорядка всё больше сказывается на глобальном и региональных балансах экономических и политических сил. Новые лидеры не всегда обладают достаточным социальным капиталом, экономическим, научно-технологическим и военным потенциалом, чтобы претендовать на особую роль во всех сферах одновременно, но стремятся капитализировать своё лидерство в одной или несколь-

ких из них. В 1970–2000-е годы крупнейшими центрами развития транснационального капитала были США, страны ЕС и Япония, а также ряд связанных с ними стран. Однако со второй половины 2000-х годов значительно укрепилась в мировой экономике позиции транснациональных компаний и банков, связанных с новыми центрами силы в мировой экономике, прежде всего с КНР. Растёт значение транснациональных компаний из Индии, стран, входящих в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Распространение их влияния за пределы отдельных регионов, развитие вынесенной за границы стран производственной, транспортной и иной инфраструктуры меняет глобальную экономическую и политическую географию, формирует новые условия конкуренции. Россия лишь отчасти вовлечена в эти процессы, особенно на азиатских рынках.

Определяющим современное мироустройство фактором становится сочетание направленности новых глобальных и региональных игроков на реконструкцию глобальной финансово-экономической и политической иерархии и субъективного стремления прежних лидеров сохранить приоритет за собой. Экономическим и политическим локомотивом формирования полицентрич-

ВОЙТОЛОВСКИЙ Фёдор Генрихович – член-корреспондент РАН, директор НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

ного миропорядка становятся страны большого Индо-Тихоокеанского региона. Они укрепляют свои позиции в различных сферах международной конкуренции — экономической (промышленное производство и сфера услуг, инвестиции, торговля), научно-технологической, военно-экономической и военно-технологической, в области развития человеческого капитала и качества трудовых ресурсов.

Если на глобальном уровне по большинству этих параметров безусловным лидером остаются США, то в Азии ситуация меняется, и хотя лидерами технологического развития региона остаются Япония и Республика Корея, Китай продолжает наращивать не только экономический, но и социальный, а также научно-технологический капитал своего перспективного лидерства.

В политическом и экономическом плане система международных отношений вступила в новую стадию своего развития, которая характеризуется значительной интенсификацией конкуренции как между государствами, так и между ведущими транснациональными компаниями. При этом глобальная взаимозависимость также продолжает усиливаться, и не только между лидерами первого этапа глобализации, но и между ними и новыми глобальными экономическими игроками. Системный характер носит глубокая взаимозависимость между двумя ведущими экономиками мира — США и КНР. Объём двусторонней торговли товарами и услугами, несмотря на обострение политических дебатов о торговой и тарифной политике, достиг по итогам 2017 г. 710 млрд долл. (без учёта 69 млрд долл. торговли между США и Гонконгом), показав устойчивый рост (в 2016 г. объём торговли составил 648,5 млрд долл.) при сохраняющемся значительном торговом дефиците в пользу Китая (334,5 млрд долл.) [1]. Кроме того, США и КНР накоплены значительные объёмы взаимных прямых иностранных инвестиций (ПИИ), осуществляемых как напрямую, так и через третьи страны. Американские накопленные ПИИ в китайскую экономику достигли в 2017 г. 107,6 млрд долл., продемонстрировав рост за год свыше 10%, и ещё 81,2 млрд долл. было инвестировано в экономику Гонконга. Китайские ПИИ в экономику США за тот же период немного снизились, составив 39,5 млрд долл. (не считая 11 млрд инвестиций Гонконга и очень трудно подсчитываемых ПИИ китайских компаний, осуществлявшихся через офшоры) [1]. Огромные китайские активы работают на финансовом рынке США, растёт и уровень американского присутствия на развивающемся китайском финансовом рынке. Аналогичные тенденции фиксируются в развитии отношений между КНР и ЕС. Несмотря на некоторое снижение динамики и объёмов

торгового и финансового взаимодействия между Россией и ЕС на фоне последствий политического конфликта и введения санкций и других ограничительных мер, в отношениях между ними также сформировались глубокие взаимосвязи.

Усиление финансово-экономической взаимозависимости и рост взаимосвязей в социальной, коммуникационной и технологической сферах позволяют утверждать, что процессы глобализации отнюдь не приостановились, несмотря на учащающиеся попытки США и других государств опираться на протекционистские меры. Однако тенденции роста международной конкуренции, проявившиеся после финансово-экономического кризиса 2008—2011 гг. и наиболее явно обозначившиеся в 2014—2017 гг., во всё большей степени затрагивают не только экономику, но и политику, а также военную сферу. Более того, расширение практики применения санкций и других политико-силовых мер в финансово-экономической сфере показывает, что возрастают соблазны использования связей, сформировавшихся благодаря глобализации, в качестве средства воздействия в межгосударственной и корпоративной конкуренции.

Высокий уровень взаимозависимости в мировой экономике, с одной стороны, расширяет возможности использования её в качестве оружия через оказание влияния на наиболее чувствительные и зависимые от внешних факторов и рынков отрасли экономики любой страны, а с другой стороны, открывает значительные возможности для обхода санкций и других ограничений, диверсификации и адаптации рынков. Использование США и их союзниками санкций и других политических мотивированных мер в отношении России даёт целый ряд примеров проявления обеих этих тенденций.

Наряду с традиционными показателями (объём ВВП, размеры вооружённых сил и оборонных расходов) важными критериями оценки конкурентоспособности государств в формирующемся полицентричном миропорядке становятся такие "факторы силы", как:

- *финансово-экономическая мощь*, определяемая уровнем развития промышленного производства, объёмами торговли и прямых иностранных инвестиций (привлечённых и экспортируемых), размерами и состоянием фондового рынка, динамикой развития инноваций;
- *социальный капитал*, определяемый демографической ситуацией, состоянием трудовых ресурсов, качеством образования и его доступностью, уровнем развития системы здравоохранения и социального обеспечения;
- *научно-технологический потенциал*, определяемый уровнем финансирования фундаментальной науки, количеством и качеством трудовых ре-

сурсов научной сферы, состоянием научной инфраструктуры и материально-технической базы научно-образовательных учреждений, динамикой развития рынков высокотехнологических товаров и услуг, состоянием инновационной среды.

Расширяется практика использования не только финансово-экономических рычагов, но и научно-технологического инструментария (доступа к инновациям, технологиям, научным знаниям), идеологических и информационных ресурсов в качестве средств межгосударственной конкуренции. При этом они не только дополняют военные и политико-дипломатические инструменты, но зачастую применяются в соответствии с логикой и принципами, с которыми применяются силовые меры.

На первый план среди современных невоенных угроз безопасности выходят имеющие трансграничную природу новые вызовы, которые не заменяют собой традиционные вызовы и угрозы, связанные с межгосударственным противоборством, но дополняют и усиливают их. Прежде всего речь идёт о международном терроризме, стремящемся обрести территориально-административные формы, религиозно-идеологическом экстремизме, распространении оружия массового уничтожения и средств его доставки, неконтролируемом трафике оружия, нелегальной миграции, незаконном обороте наркотиков, коррупции и транснациональной преступности. Эти опасности усиливаются демографическими проблемами, глобальной бедностью и голодом, а также растущим в ряде регионов дефицитом питьевой воды. Достаточно часто транснациональные вызовы и угрозы превращаются в средства политического, психологического и экономического давления, с помощью которого некоторые государства влияют на развитие отдельных стран и целых регионов.

Активно разрабатываются и всё более широко применяются средства ведения "гибридной войны" — метода силового столкновения без прямого широкомасштабного боевого контакта вооружённых сил, но с массированным использованием сил специального назначения, скрытых операций, диверсий, информационно-пропагандистских средств и кибератак, созданием и использованием локальных конфликтов у границ или на территории других государств. Невоенные угрозы также зачастую задействуются в практике такого противоборства. Существенным стимулом для этих процессов становится развитие рынка частных военных компаний, которые всё чаще заменяют собой официальные вооружённые силы государств или действуют вместе с ними, принимая на себя основные издержки и риски. Методы "гибридной войны" дополняются торгово-экономическими санкциями и другими ограничительными мера-

ми, нацеленными на причинение максимального ущерба противнику, а также дестабилизацию социально-политической обстановки.

Вызовы для национальной безопасности РФ в военной сфере. Не менее значимые изменения происходят и в военно-политической сфере. Главные вызовы и угрозы для национальной безопасности России в военной сфере на перспективу до 2030 г. и далее будут связаны с несколькими взаимосвязанными тенденциями. Первая из них — начавшаяся и набирающая обороты гонка вооружений на новой технологической основе, включая возвращение к активному соревнованию с США в области ядерных вооружений. Дальнейший рост значения военной силы и других силовых средств в межгосударственных отношениях и расширение практики их локального применения, в том числе в форме делегирования государствами соответствующих полномочий частным компаниям и негосударственным структурам, составляет суть второй тенденции.

Третья тенденция — интенсивное и целенаправленное размывание сформировавшихся в годы "холодной войны" норм в области контроля над вооружениями, в первую очередь ядерными стратегическими и нестратегическими наступательными и оборонительными системами. Договорённости в этой сфере между СССР/Россией и США сохраняли своё значение некоторое время после завершения советско-американской конфронтации и даже получили продолжение в серии договоров о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений — СНВ-1 (1991), СНВ-2 (1993), заключённом в 2002 г., но не ратифицированном Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), а также действующем до 2021 г. СНВ-3 (2009). Однако одновременно, в том числе в связи с разрушением принципов и этики взаимодействия и конкуренции стран-лидеров в области вооружений, международные договорённости всё более утрачивали силу и влияние (подробнее об этике и психологии ядерного сдерживания и её развитии после "холодной войны" см. [2]).

Следует отметить, что в формирующемся полицентричном миропорядке гонка вооружений начинает набирать обороты уже не столько между США и Россией, которая не стремится стать её участником, хотя и уделяет внимание модернизации своего оборонного, в том числе ракетно-ядерного, потенциала. В неё активно включился Китай, который развивает инструментарий проецирования силы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прежде всего военно-морской флот и ВВС — основу для конкуренции с США, а также стратегические и нестратегические наступательные вооружения, включая основан-

ные на передовых технологиях (гиперзвуковые и ракетно-планирующие системы в ядерном и неядерном оснащении) [3]. Китай уделяет значительное внимание также высокоточным конвенциональным вооружениям, системам ПРО, ПВО, военно-космическим средствам слежения и наблюдения, а также ресурсам проведения экспедиционных операций [4]. Военный бюджет Китая, по данным Стокгольмского института исследований проблем мира, уже в 2017 г. достиг 228 млрд долл. (в 4 раза больше оборонного бюджета РФ), увеличившись вдвое за 10 лет. По итогам 2017 г., наряду с КНР в интенсивную военно-экономическую конкуренцию постепенно втягивается Индия (её военный бюджет превысил 63,9 млрд долл.), а также целый ряд региональных держав – Турция (19,5 млрд долл.), Саудовская Аравия (69,4 млрд долл.), Иран (14,5 млрд долл.), Япония (45,3 млрд долл.), Австралия (27,4 млрд долл.), Республика Корея (39,1 млрд долл.), Пакистан (10,7 млрд долл.) [5]. Согласно предварительной статистике 2018 г., все показатели этих и ряда других держав продолжают расти. Это объясняется началом нового этапа в технологическом развитии как ядерных, так и конвенциональных вооружений и военной техники, а также с очередным перераспределением сфер влияния в мире и обострением региональной конкуренции. Особенно остро эти тенденции проявляются в Тихоокеанской и Южной Азии, а также на Ближнем Востоке, где интересы ведущих держав всё в большей степени вступают в противоречие.

США стремятся сохранить на ближайшие десятилетия силовое, в том числе военное, превосходство над Россией и Китаем, а также возможности силового давления на региональных оппонентов и осуществления дистанционных военных операций в любой точке мира. Однако такая задача является новой для Вашингтона, поскольку одной из аксиом американской внешнеполитической и военной стратегии всегда было стремление избегать долгосрочного конфликта с двумя крупными державами одновременно. Между тем именно такая перспектива всё отчетливее вырисовывается для США в ближайшие 10–15 лет. Политика двойного сдерживания России и Китая может существенно трансформировать американское военное и внешнеполитическое планирование, в частности, она предполагает значительные финансовые и иные издержки.

Китай не может не учитывать обозначенные тенденции, но одновременно на китайское руководство и элиту оказывает существенное влияние стремление избежать разрыва финансово-экономических связей с США, губительного для национальной экономики. В то же время в десятилетней перспективе КНР рассчитывает обрести военный

потенциал, который позволил бы не только потеснить США с позиций регионального лидера в Тихоокеанской Азии, но и предотвратить вероятность морской блокады в случае открытого американо-китайского противостояния [6–8]. Даже кратковременное (на полгода-год) прерывание торгово-экономических связей со странами региона и с рынками китайских товаров за его пределами, а также источниками поставок энергоресурсов и других видов сырья может привести к катастрофическим последствиям для китайской экономики и снизить обороноспособность КНР. Китаю также необходимы военные средства, чтобы не позволить американским союзникам, которые могут действовать как вместе с Вашингтоном, так и самостоятельно, ограничивать китайское влияние в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Особенно значимыми для Пекина в этом отношении остаются ситуация на Корейском полуострове и ситуация в районе Южно-Китайского моря. Кроме того, по мере реализации стратегии экономического "пояса и пути", возрастает заинтересованность политической и экономической элиты КНР в том, чтобы иметь возможность защищать интересы китайского бизнеса в любой точке мира с помощью военных средств. Потери китайскими компаниями значительных активов в Ливии, а потенциально и в Венесуэле, и риски для безопасности китайских граждан – тяжёлый урок для Пекина [9].

Рост военных расходов и военного потенциала Индии, а также развитие её военно-политического сотрудничества с США, Японией и Австралией – не только реакция на рост военного потенциала и политического влияния Китая, но и стремление обрести позиции одной из ведущих держав. Индийское руководство, политическая элита и экспертное сообщество открыто называют не только Пакистан, но и Китай в числе основных источников угроз национальной безопасности. Показательно, что, несмотря на наметившееся в 2018 г. улучшение политических отношений и дальнейшее усиление индо-китайских экономических связей, индийская ракетно-ядерная программа, которая вышла на новые рубежи своего развития в связи с успешными испытаниями стратегического носителя Агни-5, откровенно нацелена на одновременное сдерживание Пакистана и Китая [10, 11].

На глобальном уровне активно идёт развитие новых ядерных вооружений, способных изменить баланс военных сил, но не включённых в уравнение стратегической стабильности, которое по-прежнему остаётся российско-американским. При этом сама стратегическая стабильность как военно-политическое и идейно-психологическое явление, возникшее в годы "холодной

войны", стремительно размывается. Факторов её распада становится всё больше — неядерное высокоточное оружие, ракетно-планирующие и гиперзвуковые системы в ядерном и неядерном оснащении, новые виды вооружений межконтинентальной дальности, в том числе неядерные (такие как американская программа "Быстрый глобальный удар"), противоспутниковые системы, кибервооружения, системы ПРО и РЭБ, средства раннего предупреждения. Отметим, что наращивание технологических возможностей США, КНР и России в области опосредованного и асимметричного воздействия на традиционный инструментарий поддержания стратегической стабильности всё активнее захватывает сферу кибербезопасности. В "Обзоре ядерной политики США", принятом в начале 2018 г., кибератаки включены в перечень оснований для применения ядерного оружия, и самой этой теме в документе уделяется особое внимание [12, р. 57].

Главные параметры динамики глобальной военно-экономической и военно-технологической конкуренции определяются не только и не столько появлением новых видов вооружений и военной техники, сколько трансформацией модели взаимодействия государств-лидеров и увеличением их числа. Не без целенаправленных усилий США была демонтирована система соглашений, регулировавших отношения ведущих держав в этой сфере. Первые десятилетия после окончания "холодной войны" эта система развивалась по инерционной схеме. Затем в 2002 г. был ликвидирован Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г. В 2018 г. США приняли решения о выходе из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) 1987 г. (Сегодня у России и США нет ракет средней и меньшей дальности, ими обладают только КНР, Великобритания, Франции, Индия, Пакистан, Иран, КНДР и Израиль, однако потенциально список таких стран может расшириться уже в среднесрочной перспективе.) Под угрозой находится возможность продления в 2021 г. на 5 лет заключённого в 2009 г. между Россией и США СНВ-3, и на среднесрочную перспективу не просматривается возможность его замены новым российско-американским соглашением. За пределами всех соглашений находятся новые виды средств доставки, способные нести ядерное оружие (ракетно-планирующие системы, крылатые ракеты дальнего радиуса действия, воздушные и подводные дроны и др.), а также влияющие на стратегическую стабильность конвенциональные вооружения (высокоточные, гиперзвуковые и др.).

Возникают риски развёртывания ударных вооружений в космосе. Договор о принципах дея-

тельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, принятый в 1967 г., ограничивает размещение в космическом пространстве ядерных вооружений и других видов оружия массового уничтожения, но он не распространяется на ударные системы в неядерном оснащении [13]. В 2004 г. Россия заявила об одностороннем отказе размещать вооружения в космосе, её поддержал Китай, но США не выражают готовности обсуждать эту тематику.

После 2021 г. поддержание стратегической стабильности вступит в стадию ещё большей неопределённости. С высокой вероятностью сохранится только одна её составляющая — взаимное гарантированное уничтожение между Россией и США, которое действует как военный и политико-психологический механизм. Одновременно углубятся тенденции к развитию полицентричности системы ядерного сдерживания и укреплению наступательных потенциалов её участников. Возрастает вероятность перехода системы отношений между ведущими державами в военно-стратегической сфере к моделям развития, основанным преимущественно на неформальных договорённостях и односторонних обязательствах при высокой вероятности их нарушения и возникновения кризисных ситуаций. Наибольший потенциал для этого имеется в отношениях между Индией и Пакистаном, КНДР и США, но не только между ними.

Перспективная задача США — осуществить модернизацию своего стратегического наступательного потенциала, обновить все компоненты ядерной триады, минимизировать ограничения для разработки и развёртывания нестратегических наступательных вооружений, в том числе наземного базирования, а также ядерных боезарядов малой мощности и оборонительных систем (ПРО), спутниковых систем. Для реализации такой широкомасштабной программы правительство США нуждается в ослаблении ограничений в области контроля над вооружениями и в оправдании перед обществом и Конгрессом США дальнейшего значительного роста военного бюджета страны. Российская и китайская "военные угрозы" подходят для решения последней задачи как нельзя лучше.

При модернизации стратегических наступательных вооружений США будут исходить из состояния и возможностей боевого применения стратегических наступательных систем России и КНР и не заинтересованы в количественном сокращении носителей и боезарядов. Выход США из ДРСМД позволит дополнить арсенал имеющихся баллистических и крылатых ракет морского и воздушного размещения новыми моделями

обоих классов наземного базирования. Возникнут возможности размещения ракет средней дальности, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанском регионе — на территориях Австралии, Японии, с меньшей вероятностью — Республики Корея, в качестве противовеса потенциалу КНР, более 50% которого приходится на ракеты средней и меньшей дальности, и КНДР.

Одновременно США могут попытаться развернуть такие ракеты в Европе — как средство сдерживания России и усиления военно-политического давления на Иран. Ответные меры со стороны России, которые будут зеркальными, позволят США оправдать реализацию любой программы развития ПРО в Европе, а также убедить европейских союзников увеличить военные расходы. Такой сценарий развития событий на долгосрочную перспективу не только положит конец попыткам Москвы развивать диалог с западноевропейскими странами НАТО о создании новой архитектуры европейской безопасности, но и позволит США создать дополнительные барьеры на пути развития политических и экономических связей между Россией и ЕС, в том числе и в энергетической сфере.

В среднесрочной перспективе США по технологическим и финансовым причинам не смогут реализовать проект глобальной стратегической ПРО и всерьёз ограничить возможности стратегических ядерных сил России. Поэтому приоритет Вашингтона — существенное наращивание потенциала оборонительных систем нестратегического характера, ориентированных не только на перехват баллистических, но и крылатых ракет, и их перспективная оптимизация для перехвата отдельных стратегических целей баллистического характера. Это обстоятельство сужает поле для диалога. И если в 2009–2016 гг. США настойчиво заявляли, что ракетные комплексы в Европе направлены против "иранской угрозы", а в Азиатско-Тихоокеанском регионе — против угрозы для США и их союзников со стороны КНДР, то сегодня уже никто не отрицает, что следующий этап развития систем ПРО США в Европе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе нацелен на противодействие российской и китайской угрозам. Опубликованный в начале 2019 г. "Обзор противоракетной обороны", определяющий приоритеты США в этой сфере на ближайшие годы, ставит целью развитие нестратегических систем ПРО, перехватывающих ракеты средней и меньшей дальности. Он предполагает развёртывание этих систем в первую очередь на европейском и тихоокеанском театрах, а также наращивание сопутствующих космических средств [14]. Такой подход тесно увязан с решением США о выходе из ДРСМД. Стремление России создать собственные системы ПРО в рамках раз-

вития Воздушно-космических сил и улучшить их тактико-технические характеристики будет фактором, повышающим вероятность диалога с США по этому вопросу, однако многое будет зависеть от развития ситуации на других направлениях и политического климата в отношениях между двумя странами.

Большинство угроз для безопасности России в военной и невоенной сферах дополняют друг друга, они системно взаимосвязаны. Их развитие и обусловленные ими риски нужно анализировать и прогнозировать в комплексе — многие из них связаны с проблемами экономического и научно-технологического развития. Всё это требует пересмотра приоритетов в области подготовки гражданских и военных специалистов в военно-политической сфере, выработки новой тематики исследований в области гуманитарных и общественных наук, связанных с изучением проблем военной и невоенной безопасности, а также стратегической стабильности и контроля над вооружениями. Здесь требуется новый синтез военных и гражданских исследований в области прогнозирования развития военных технологий, вооружения и военной техники, с изучением проблем международных отношений и безопасности, военной экономики и смежных гражданских секторов, а также политической психологии и международного права. Российская академия наук могла бы сыграть организующую и координирующую роль в развитии таких направлений исследований и подготовки кадров.

ЛИТЕРАТУРА

1. U.S.-China Trade Facts. US Trade Representative Office. <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (дата обращения 12.02.2019).
2. Косолапов Н.А., Андреева Т.Н. Ядерное сдерживание в условиях глобализации (политико-психологические аспекты проблемы) // Философские науки. 2005. № 7—11.
3. Богданов К.В. Ядерные силы КНР и контроль над вооружениями // Безопасность и контроль над вооружениями 2017—2018. Преодоление разбалансировки международной стабильности / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, РОСПЭН, 2018. С. 73—84.
4. Кашин В. Перерыв подходит к концу? Военная стратегия Китая на современном этапе // Россия в глобальной политике. 2018. № 6. С. 16—22.
5. SIPRI Database of Military expenditures by country 2009—2017. <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения 12.02.2019).
6. Collins G. A Maritime Oil Blockade Against China — Tactically Tempting but Strategically Flawed // Naval War

- College Review. V. 71. № 2. <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol71/iss2/6> (дата обращения 12.02.2019).
7. Farley R. Could the US Navy Blockade China in War-time? // The Diplomat. May. 2018. <https://thediplomat.com/2018/05/could-the-us-navy-blockade-china-in-wartime/> (дата обращения 12.02.2019).
 8. Mirski S. Blockade: The Ultimate Way to Win a War Against China? // The National Interest. 2018. July 30. <https://nationalinterest.org/blog/buzz/blockade-ultimate-way-win-war-against-china-27222?page=0%2C1> (дата обращения 12.02.2019).
 9. Кашин В. Венесуэльский кризис и китайская империя // Профиль. 2019. 29 января. <https://profile.ru/columnist/venesuelskij-krizis-i-kitajskaya-imperiya-65617/> (дата обращения 12.02.2019).
 10. Jha S. Successful Pre-induction Trial of India's Agni-V Intercontinental Ballistic Missile Takes It Closer To Deployment // Indian Defense Review. 2018. January 18. <http://delhidefencereview.com/2018/01/18/successful-pre-induction-trial-of-indias-agni-v-intercontinental-ballistic-missile-takes-it-closer-to-deployment/> (дата обращения 12.02.2019).
 11. India's most potent missile Agni-V to be inducted soon // The Economic Times. 2018. July, 1. http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/64814158.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=crpst (дата обращения 12.02.2019).
 12. Nuclear Posture Review – 2018. DOD of the US. Office of the Secretary of Defense. <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения 12.02.2019).
 13. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Принят резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 года. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения 12.02.2019).
 14. Missile Defense Review. DOD of the US. Office of the Secretary of Defense. https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf (дата обращения 12.02.2019).

DEEP CHANGES IN EXTERNAL ENVIRONMENT AFFECTING RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

© 2019 F.G. Voitolovsky

Primakov National Institute of World Economy and International Relations of RAS, Moscow, Russia

E-mail: seadog@imemo.ru

Received: 11.12.2019

Revised version received: 12.02.2019

Accepted: 18.02.2019

The article is focused on international economic, political, and military factors and how they affect Russian national security. The analysis deals with the present and emerging ambivalence in global trends like growing economic interdependence and escalating interstate competitiveness. The key issue lies in how these trends are expressed in relations among traditional and emerging powers that are taking on new roles in the global order. Special attention is paid to processes related to the disintegration of the arms-control system and the related deterioration of the global and regional military-political situation, particularly in Europe and the Asia-Pacific region. The main risks to the national security of Russia associated with these changes are identified.

Keywords: world order, national security, the US, NATO, China, Russian-American relations, US–China relations, strategic stability, arms control, foreign policy risks, strategic offensive weapons, regional conflicts.